

С тех пор как Луань Чэн поступил в Шэнъян, он всегда сидел один. Что в первом, что во втором полугодии в классе было сорок пять человек — число нечетное, и он вечно оставался «лишним». Для общительного парня это было довольно тоскливо, особенно за двойной партой. Пару раз он даже мечтал: «Эх, вот бы мне соседа...»

Но сейчас! В этот самый миг! Он не хотел соседа! Особенно такого, как Гу Цинхуай!

Разве школа не считается местом с мощнейшей энергетикой «ян»? Разве призраки не должны исчезать при свете дня?! Тогда кто эти двое за спиной новенького?!

Луань Чэн пытался взять себя в руки и не пялиться на «гостей», но глаза его не слушались.

Те двое выглядели постарше Гу Цинхуая. Один был примерно такого же роста — под метр восемьдесят пять. Красивые глаза с легким прищуром, высокая переносица, длинные седые волосы до самой поясницы и... белоснежное ханьфу (древнее китайское одеяние). Это и было одной из причин, почему Луань Чэн сразу его заметил. Кожа у него была белая как бумага, и только губы с глазами горели алым, будто налитые кровью.

Да это же вылитый «Глава темного культа», который переборщил с запретными техниками из какого-нибудь сериала!

Второй был пониже, около метра восьмидесяти. Он выглядел хрупким и каким-то... полупрозрачным, мерцающим. Зато одет был современно: бежевый костюм-тройка, карманные часы на цепочке — этаким аристократ времен Китайской Республики. На их фоне сам Гу Цинхуай казался самым нормальным: так как школьную форму ему еще не выдали, он был в белой рубашке со стойкой и черных брюках.

Луань Чэн смотрел на них, а все трое в ответ смотрели на него.

— Цинхуай, а сосед-то твой забавный, — усмехнулся седовласый «Глава культа». — Похоже, он нас видит. Неужто у него «Инь-Ян глаза»? («Инь-Ян глаза»: В китайском фольклоре — способность видеть духов и призраков.)

— Да ну, вряд ли, — аристократ с любопытством склонил голову набок.

— Ты на что уставился? — в глазах Гу Цинхуая промелькнуло изумление. Он впервые в жизни встретил человека, который не просто видел его «спутников», но и, кажется, слышал их.

— Я... так, просто смотрю, — Луань Чэн заставил себя уткнуться в тетрадь. Никто не знал, что в этот момент в его душе проносилось стадо бешеных лам. Раньше соседа не было — и на тебе, привалило сразу трое, двое из которых невидимые! Это вообще законно?

Классная, решив, что Луань Чэн «вполне адекватно» принял новичка, велела Гу Цинхуаю зайти к ней за учебниками после второго урока и ушла.

Чжоу Пэн на передней парте продолжал ковырять свою кукурузу. Луань Чэн ткнул его в спину: — Отломи половину.

Ему срочно нужно было что-то пожевать, чтобы не сойти с ума.

— Ты же вроде не хотел? — Чжоу Пэн вцепился в свою еду мертвой хваткой.

— Внезапно захотелось, нельзя что ли? — Луань Чэн зыркнул на друга. — Живо давай!

— Ладно-ладно. Только предупреждаю: я сегодня ноги чесал и руки не мыл, — с этими словами Чжоу Пэн потянулся ломать початок.

— Отставить! — Луань Чэн скорчил брезгливую мину. — Ешь сам, ковырялка.

Он был уверен: Чжоу Пэн не врет, в общежитии это его любимое занятие.

Луань Чэн изо всех сил прижимал ладонь к карману с персиковым мечом, внушая себе: «Не смотри туда, не смотри». Но «соседям» было плевать на его душевные терзания. Они завели светскую беседу прямо у него над ухом.

— Цинхуай, я уверен, этот пацан нас видит, — седовласый Бай Ю заложил вираж вокруг Луань Чэна.

Он не просто кружил рядом, а бесцеремонно пролетал сквозь стены и парту, разглядывая бедного школьника со всех сторон.

— А я-то боялся, что здесь будет скучно. Кажется, нас ждет много интересного, — добавил он с хищной ухмылкой.

— Бай Ю, не пугай его так. Не видишь — парень уже весь в испарине? — голос «Аристократа» был под стать его облику: мягкий и вкрадчивый.

Но Луань Чэну от этой вежливости было только хуже. На дворе апрель, на севере еще прохладно — это ж как надо разнервничаться, чтобы пот прошиб? И самое главное: почему из всего класса только он слышит этот бред, а остальные сидят как ни в чем не бывало?!

— Сяо Юэлян (Маленькая Луна), вечно ты сокрушаешься, — Бай Ю внезапно сузил глаза. — Я-то думаю, почему мне здесь так неуютно стало. Оказывается, этот малец кое-что прячет.

Он уставился на карман Луань Чэна.

— Так вцепился, что вены на руке вздулись. Неужели ты нас настолько боишься, малыш?

Внезапно Бай Ю резко наклонился. Его лицо оказалось в сантиметре от лица Луань Чэна. Глядя прямо в глаза своими кроваво-красными зрачками, он прошипел:

— А ну голову поднял! Или мне из тебя всю «янскую» энергию выпить?

— Не надо! — Луань Чэн резко вскинул голову.

— Ты чего, Луань Чэн? — Чжоу Пэн снова обернулся. Соседние ребята тоже с недоумением посмотрели на него.

— Ничего... — Луань Чэн едва не свел брови к переносице от напряжения.

За что ему всё это?! Он сжал персиковый меч еще крепче. В голове металась мысль: может, выкинуть его? Эти двое явно недовольны оберегом. Но если он избавится от единственной защиты, что тогда? Кто знает, что за чертовщина творится с этим Гу Цинхуаем. Нормальные люди не переводятся в другую школу в разгар одиннадцатого класса. А Гу Цинхуай не просто перевелся, он притащил с собой эскорт из призраков!

Луань Чэн невольно покосился на соседа и наткнулся на его серые, изучающие глаза.

«Ну и ресницы у него, конечно... длиннющие», — промелькнуло в голове.

Тут же Луань Чэн мысленно дал себе затрещину. Совсем с катушек съехал — в такой момент залипать на красоту этого парня!

Объективно говоря, Гу Цинхуай был чертовски хорош собой: статный, с точеными чертами лица. Особенно выделялись эти серо-голубые глаза, сияющие как утренние звезды. В сочетании с его необычной одеждой он выглядел как «журавль среди стаи кур». Будь он обычным учеником, Луань Чэн бы точно — нет, сто процентов! — первым полез бы к нему знакомиться. Но сейчас... сейчас у него не было ни малейшего желания. Точнее, он просто боялся.

Гу Цинхуай тем временем открыл рюкзак и начал доставать... канцтовары? Листы А4, клей-карандаш, ножницы, цветная гофрированная бумага и... пуговицы?

Луань Чэн смотрел на это, вытаращив глаза. Едва не вырвалось: «Слышь, парень, ты дверью ошибся. У нас тут выпускной класс, а не кружок "Умелые ручки"».

Но Гу Цинхуай с абсолютно бесстрастным лицом принялся за дело. Цветную бумагу и пуговицы он отложил, а из листов А4 начал крутить трубочки толщиной с большой палец, аккуратно закрепляя их клеем. Луань Чэн насчитал около шестидесяти штук. Израсходовав всю бумагу, Гу Цинхуай разделил трубочки на две стопки и склеил их между собой, сооружая две прямоугольные панели. Видимо, размер его не устроил, потому что он достал блокнот, намереваясь вырвать страницы и оттуда.

В последний момент он передумал и повернулся к Луань Чэну. Чуть помедлив, спросил:

— У тебя есть ненужная бумага? Черновики или старые тесты. Если есть — одолжи немного.

Луань Чэн опешил. Что это за странный фетиш? Но парень смотрел ему прямо в глаза, так что Луань Чэн послушно выудил из стола законченный альбом для набросков: — Такой подойдет?

— Можно рвать? — уточнил Гу Цинхуай.

— Валяй.

Через три минуты весь альбом превратился в бумажные трубки. Восемь штук Гу Цинхуай отложил в сторону, а остальные приклеил к своим панелям. Закончив «инженерный шедевр», он убрал всё в рюкзак. Луань Чэн всю голову сломал, гадая, зачем это нужно. Но ответ пришел сразу после первого урока.

На перемене Чжоу Пэн звал его в туалет, но Луань Чэн отказался. Однако перед самым звонком на второй урок «приспичило» уже по-настоящему. Он пулей понесся в уборную. Народу уже не было, в пустом помещении гулял сквозняк, нагоняя жути. Луань Чэн надеялся быстро справиться и вернуться на физику, но на выходе столкнулся с Гу Цинхуаем. Тот держал в руках свои бумажные конструкции.

— Долго же ты отливал, — заметил Гу Цинхуай.

Луань Чэн даже не нашелся, что ответить. Надо было уходить, но любопытство пересилило страх. Что этот фрик задумал?

Гу Цинхуай, видя, что сосед не уходит, не стал его прогонять: — Не уходишь — тогда прикрой

дверь.

Луань Чэн выглянул в коридор и закрыл дверь изнутри. Он оказался заперт в тесном, пахучем пространстве туалета наедине с Гу Цинхуаем, Бай Ю и Сяо Юэляном (Маленькая Луна).

Гу Цинхуай, никого не стесняясь, достал сигарету и закурил. Одной рукой он приладил те самые восемь трубок к панелям, сделав их похожими на маленькие табуретки. А затем, прямо на глазах у изумленного Луань Чэна, поднес кончик сигареты к бумаге.

Бумажные поделки вспыхнули и мгновенно обратились в пепел, но тут же их призрачные копии материализовались рядом с Бай Ю и Сяо Юэляном (Маленькая Луна). Духи с комфортом уселись на обновку.

— В этот раз неплохо, навык растет, — похвалил Бай Ю. — А то у прошлых вечно одна ножка была короче другой.

— Моя тоже удобная, — отозвался Сяо Юэлян (Маленькая Луна).

Гу Цинхуай, видя, что «клиенты» довольны, молча докурил сигарету. Его лицо в облаке серого дыма казалось загадочным и бесконечно одиноким. Когда табак догорел, он убрал зажигалку и точным щелчком отправил бычок в унитаз.

Он повернулся к остолбеневшему Луань Чэну: — Не идешь?

— Иду... — на автопилоте ответил тот.

Гу Цинхуай вышел первым.

Вторым уроком была физика.

Учитель Ю Жунгуан уже что-то усердно строчил на доске.

— Разрешите войти? — выдохнул Луань Чэн.

Учитель замер и обернулся: — Что так долго?

Чжоу Пэн уже успел ляпнуть, что Луань Чэн ушел в туалет, и учитель Ю явно задавался вопросом, чем там можно заниматься столько времени. Ю Жунгуан был сухим старичком в традиционном костюме «чжуншань» и старомодных матерчатых туфлях.

(Костюм «Чжуншань» (или «суньятсеновка») — это традиционный китайский мужской костюм, который был введен революционером Сунь Ятсеном (Сунь Чжуншанем) в начале XX века как символ модернизации и национального единства. Дизайн костюма сочетает элементы западного френча и традиционной китайской одежды. На Западе он более известен как «френч Мао», так как его популяризировал Мао Цзэдун)

Несмотря на возраст, его уроки обожали за юмор и простоту. Луань Чэн уважал учителя, поэтому лишь покаянно опустил голову:

— Извините, учитель, задержался немного.

Ю Жунгуан посмотрел на Гу Цинхуая и кивнул: — Ладно, садись. Редкость-то какая, наконец-то ты «отстрелялся».

Луань Чэн, который только начал делать шаг к парте, после этих слов чуть не рухнул на колени. Под взрыв хохота в классе он обернулся, не зная, плакать ему или смеяться:

— Учитель, это слово используется совсем в другом смысле! (прим. переводчика : Учитель имел в виду «перестал быть один за партой», а на сленге это значит «нашел пару»)

Учитель Ю нахмурился: — Разве? Разве у тебя не появился сосед по парте? Ты же теперь не один?

Староста со второй парты, давась от смеха, пояснил: — Нет, учитель! «Отстреляться» или «сойти с дистанции» в этом контексте означает выйти из статуса одиночки, то есть начать с кем-то встречаться!

Ну всё, хохот стал еще громче.

Учитель Ю постучал по столу: — Не смеяться! Не смеяться! Мне столько лет, что нужно время, чтобы поспевать за модой. А ну, мелюзга, посерьезнее! Урок начался!

Смех постепенно затих. Луань Чэн незаметно выдохнул, подумав про себя: «Да я не просто из одиночек вышел, я тут сразу за двоих и за троих отдуваюсь».

Он покосился на Гу Цинхуая. Тот с абсолютно каменным лицом сверлил взглядом черную доску, в то время как Бай Ю и Сяо Юэлян (Маленькая Луна) уселись по обе стороны от них и начали вполголоса переговариваться.

Бай Ю своим ехидным голосом выдал: — Сяо Юэлян (Маленькая Луна), ты заметил? А этот малец, Луань Чэн, выглядит-то как-то... гейски, что ли?

Сяо Юэлян (Маленькая Луна), вертя в руках свои карманные часы, в ответ мягко улыбнулся: — Ты про каждого красавчика так говоришь. Но этот мальчик и впрямь симпатичный.

— Вот-вот! — Бай Ю пододвинул свой призрачный табурет поближе. — Чем больше смотрю, тем больше кажется, что они с Цинхуаем — ну просто идеальная пара.

Луань Чэн: — ...

Да дадут они сегодня поучиться или нет?!

<http://bllate.org/book/16943/1571855>